

Р. ДОНЦЕВ

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

Издание ЦОПЭ

Р. ДОНЦЕВ

По ленинскому пути

Коммунизм и борьба за мир

**Издательство Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)**

Мюнхен

1960

КОММУНИЗМ И БОРЬБА ЗА МИР

Хрущев путешествует. Первое совещание на высшем уровне в 1955 году в Женеве, второе в мае 1960 года в Париже. В промежутке — Индия, Лондон, Нью-Йорк, опять страны Азии, Париж.

Мир с напряженным вниманием следит за перемещениями коммунистического лидера. Удивляться тут нечему. Вопрос, основной вопрос нашего времени — быть войне или быть миру — во многом зависит от того, захочет ли Хрущев договориться с западными державами относительно многочисленных спорных вопросов. А если не договорится, то откажется ли от угроз и применения силы. . .

Мы не будем перечислять спорных международных вопросов — они известны всем. Точно так же мы не будем их разбирать по существу. Не только главы государств, министры иностранных дел и дипломатические эксперты знают до мельчайших подробностей причины, вызвавшие и вызывающие международное напряжение. Вспоминать их — означало бы писать историю международных отношений последних пятнадцати лет. Такая задача завела бы нас слишком далеко. Мы хотим остановиться только на одном вполне конкретном вопросе.

Какие предпосылки должны существовать, чтобы могло начаться, и начаться вполне реально, ослабление напряжения и чтобы, наконец, был сделан первый шаг на пути к мирному сосуществованию и разоружению? Для этого, конечно, необходимо разрешение, хотя бы частичное, существующих спорных вопросов, — а оно возможно только при решении не требовать от противной стороны тех уступок, на которые она явно не пойдет и не может добровольно пойти, а также при готовности обеих сторон идти на разумные и возможные уступки.

Конечно, сказанное — давно всем известные общие места. Но есть еще одно, не менее общеизвестное, обстоятельство, без наличия которого никакой прочный и длительный стговор невозможен. Необходимо, чтобы обе договаривающиеся стороны действительно желали мира, желали договориться и не собирались тайком при первой возможности нарушить принятые обязательства.

Во время своих поездок Хрущев без устали говорил о мире, о необходимости упрочить мир и бороться за него. Но можно ли верить Хрущеву, в настоящее время главному представителю и руководителю коммунизма? Достаточно прочесть историю внешней политики коммунистической власти, чтобы убедиться, как часто, можно даже сказать систематически, она нарушала международные договоры, которые подписывала. . .

Тут легко предвидеть следующее возражение: Совместный с Гитлером раздел Польши, нападение на Финляндию, аннексия балтийских республик, пражский путч в 1948 году и так далее — это дело рук Сталина, а на XX съезде партии Хрущев осудил Сталина (правда, не за его внешнюю политику!) — следовательно, нельзя авансом приписывать Хрущеву намерение при любых обстоятельствах вести такую же внешнюю политику, какую в свое время вел Сталин. . .

Согласимся, возражение веское, — а потому допустим, что в своей внешней политике Хрущев и современное коммунистическое руководство могут и не следовать сталинским образцам (хотя расправа Хрущева с Венгрией говорит о верности методам Сталина). Но если фигура Сталина, как идеолога, вдохновителя и руководителя коммунистического движения, поблекла, то в коммунистическом Пантеоне Маркс и Энгельс, а также их главный и единственно признанный непогрешимый толкователь Ленин, продолжают сиять во всем блеске. Более того, достаточно полистать советские газеты и журналы последних лет, чтобы убедиться — сияние Ленина не только остается прежним, оно все время усиливается. КПСС чаще всего называет себя партией Ленина, шествует КПСС по пути, указанному Лениным, идеология КПСС — ленинская. Хрущев, отрекшийся кое в чем от Сталина, от Ленина никогда и ни в чем не думал отречься.

Вернемся теперь к интересующим нас вопросам, вопросам

о мире, о разоружении, о мирном сосуществовании различных политических и общественных систем. Посмотрим, как рассматривал все эти вопросы, как советовал к ним относиться учитель Хрущева и современного коммунистического движения — Ленин. А поскольку Ленин — учитель коммунистами признанный, поскольку его идеология есть идеология коммунизма, то понятно, что ответы Ленина на все эти вопросы представляют собою не только философский или исторический интерес, — они имеют огромное практическое значение.

Как, например, относился Ленин к движению, борющемуся за мир при всех обстоятельствах и протестующему против любой войны, — короче говоря, к пацифизму? Предоставим слово самому Ленину:

«Долой поповские сентиментальные и глупенькие вздыхания «о мире во что бы то ни стало». Поднимем знамя гражданской войны. . . За данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны, сказка о последней войне есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология». Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую, следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и готовить к войне против буржуазии и «своей страны», и «чужих» стран. . . III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма». (Ленин. «Положение и задачи социалистического Интернационала», стр. 24, том 21. Полн. собр. соч., изд. 4-ое, Москва).

Как будто все ясно и в комментариях не нуждается. А все таки сделать одну констатацию совершенно необходимо. Ленин считает возможность мира «вредной сказкой» до тех пор, пока социализм не победит во всем мире, и (это, может быть, самое главное) он усматривает в ужасах войны положительную сторону, так как эти ужасы готовят народные массы к войне против буржуазии «своей страны и чужих стран».

Ленин часто и последовательно повторяет свой тезис. Вот и еще его аналогичные высказывания:

«Одной из форм одурачивания рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии (обратите внимание на то, что Хрущев, как и Сталин, всегда пользуется терминологией Ленина и называет «империалистическими» все правительства или политические течения, если они в чем-нибудь осмеливаются противоречить коммунистам. — Прим. автора) пропаганда мира... не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать его игрушкой в руках тайной дипломатии. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций». (Ленин. «Конференция заграничных секций Р.С.Д.Р.П., стр. 141, том 21. Полн. собр. соч., изд. 4-ое, Москва).

Приведем еще несколько высказываний Ленина о «мире вообще» и покажем, что приведенные две цитаты далеко не случайны.

«Мечтания о мире без проповеди революционных действий выражают страх перед войной, не имея ничего общего с социализмом». (Ленин. «Буржуазные филантропы и революционная социал-демократия». Стр. 169, том 21. Полн. собр. соч., изд. 4-ое, Москва).

«Война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами. Такова формулировка Клаузевица... и именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса» (Ленин. «Крах II Интернационала». Стр. 194-195, том 21, Полн. собр. соч., изд. 4-ое, Москва).

«Фразы о мире и разоружении остаются пустыми фразами, ибо без революционных действий пролетариата ни о демократическом мире, ни о разоружении не может быть и речи». (Ленин. «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории». Стр. 236. Том 21...).

А вот еще одна цитата, указывающая, что если Ленину мир и нужен, то далеко не всякий:

«Лозунг мира можно ставить или в связи с определенными условиями мира, или без всяких условий, как борьбу не

за определенный мир, а за мир вообще (Frieden ohne weiteres). Ясно, что в последнем случае перед нами не только не социалистический лозунг, но и вообще совершенно бессодержательный, бессмысленный лозунг». (Ленин. «Вопрос о мире». Стр. 262, том 21).

Достаточно цитат. Отметим, что при таком, наполненном оговорками, подходе к лозунгу о мире и Александра Македонского, и Чингис Хана, и Наполеона, да и Гитлера можно назвать миротворцами. Ведь все они хотели мира, но только такого мира, который был нужен не людям вообще, а лично им, их планам и честолюбию.

Мысль Ленина можно резюмировать коротко: «мир, но не всякий». Впрочем, такую формулировку готовы повторить не одни последователи Ленина. На мир, купленный, например, потерей свободы, порабощением собственного народа, не согласятся, конечно, многие. Однако отказ от «мира любой ценой» не помешает большинству человечества осудить безоговорочно войну как таковую. Как мы видим, у Ленина такого безоговорочного осуждения нет. Более того, в приведенных цитатах мы встречаем откровенное сочувствие войне. Чем это объяснить?

Опять таки, пусть нам ответит сам Ленин:

«Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создает не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «Либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества». (Ленин, «Доклад на VII съезде РКП(б)», стр. 105, том 27).

Как мы видим, Ленин с увлечением соглашается с мыслью Энгельса и разъясняет ее. Война есть зло и разрушение, но война — повивальная бабка, помогающая рождению социализма. При родах человека тоже кровь и страдания, но человек рождается и роды никто не осуждает. Так и Ленин за

войну — предтечу социалистической революции. К тому же Ленин, произнося вышеприведенные слова, знал: не будь первой мировой войны, большевистской революции в России не было бы. А Хрущев — сотрудник Сталина и ученик Ленина — знает: не будь второй мировой войны и последовавшей оккупации стран Восточной Европы Советской армией, там тоже коммунизм власти не захватил бы.

И вот в предвидении войн, рождающих социализм, Ленин на том же VII съезде РКП(б) пророчествует:

«Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником страха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн... Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало.» (Том 27, стр. 105-106).

Ленин снова возвращается к мысли Энгельса:

«Энгельс особенно осторожно говорит о рождении социализма гибнущим во всемирной войне капиталистическим обществом: «только один результат (всемирной войны), — говорит он, — абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.» (Ленин. «Пророческие слова», стр. 459, том 27).

Одновременно Ленин утешает своих последователей: вечный мир наступит. Но когда?

«Только после того, как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными.» (Ленин. «Военная программа пролетарской революции». Стр. 67, том 23).

Все уточнения и разъяснения Ленина вытекают из его основного в отношении войны тезиса: «Войны приближают победу всемирной социалистической революции». А так как Ленин был прежде всего социалистом, мечтающим о близкой всемирной социалистической революции и верящим в нее, то исходя из тезиса, что войны приближают революцию, Ленин высмеивал проповедников разоружения, а заод-

но защищал принцип насилия, его целесообразность и полезность.

«Нельзя давать себя ослеплять теперешней войной. Для империалистической эпохи типичны именно такие войны между «великими» державами, но вовсе не невозможны и «**демократические войны**» и восстания например угнетенных наций против угнетателей. Неизбежны гражданские войны пролетариата за социализм. Возможны войны победившего социализма в одной стране против других буржуазных или реакционных стран. Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение. Но тот не социалист, кто ждет осуществления социализма помимо... диктатуры пролетариата. Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие. Насилие в эпоху XX века — как и вообще в эпоху цивилизации — это не кулак, не дубина, а войско. **Поставить в программу «разоружение», значит сказать вообще: мы против применения оружия. В этом также нет ни грана марксизма, как если бы мы сказали: «мы против насилия».** (Ленин. «О лозунге разоружения». Стр. 84, том 23. Полн. собр. соч. Изд. 4-ое, Москва).

В той же статье Ленин пишет:

«Угнетенный класс, который не стремился бы к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались как с рабами. Не можем мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов... забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и не может быть иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса... Нашим лозунгом должно быть вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприровать и обезоружить буржуазию... Лишь после того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей **всемирно-исторической задаче**, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но только тогда, никоим образом не раньше». (Ленин. Том 23, стр. 85-86).

В приведенных текстах имеем дело с неприкрашенной, цинически откровенной проповедью насилия, похвалой на-

силлию. Немногими годами после Ленина, точно с таким же оправданием насилия выступит Гитлер. Множество точно таких же фраз можно встретить у «фюрера» и разница только в том, что один требовал оружия и применения насилия во имя «класса», а другой — во имя «расы». Разница в поставленных целях, однако, не меняет преступности методов, — к тому же, в данном случае, явный аморализм имеет не только принципиальное, но и практическое значение, притом весьма ощутимое. Для тех, кого калечат и убивают во время войн, не все ли равно, — приходится им гибнуть во славу «классовой» или «расовой» теории...

А вот Ленин именно об этой гибели в той же статье «О лозунге разоружения» говорит очень бодро:

«Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому применению оружия, крови, смерти и проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая, реакционнойшая из всех войн подготавливает конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние». (Ленин. Стр. 86, том 23).

И Ленин, действительно, не приходит в отчаяние, — ведь сама смерть, оказывается, трудится на конечное торжество коммунизма. Но как не понять и не разделить отчаяния тех, кто не наделен, или, вернее, кто избавлен от ленинского коммунистического фанатизма?

В многочисленных высказываниях Ленин предлагает своим последователям различать войны справедливые от войн несправедливых. Вот некоторые из его суждений по этому поводу:

«Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это преступная война и «оборончество», в такой войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна.» (Ленин. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Стр. 299, том 27).

Так как в СССР пролетариат победил буржуазию (оставляя в стороне вопрос, находится ли действительно в СССР

власть в руках пролетариата), а советское правительство (по крайней мере, на словах) всегда действует в «интересах» социализма, то, следовательно, по мысли Ленина, любая война, начатая партийным руководством, будет всегда «законной» и «священной». Что и говорить, теория весьма далеко идущая в смысле возможных последствий. . .

По разным поводам и на разные лады Ленин часто возвращается к своей мысли о законности и справедливости некоторых войн.

«Социалисты, не переставая быть социалистами, не могут быть против всякой войны. Во-первых, социалисты никогда не были и никогда не могут быть противниками революционных войн». (Ленин. «Военная программа пролетарской революции». Стр. 65, том 23).

Или, там же:

«Победивший в одной стране социализм не исключает разом все войны. Наоборот, он их предполагает.»

А вот те же мысли Ленина в прощальном письме к швейцарским рабочим:

«Мы не пацифисты. Мы противники империалистических войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма». (Ленин. Стр. 360-361. Том 23).

«В случае необходимости мы от революционной войны не откажемся. Мы не пацифисты». (Ленин. «Седьмая, апрельская Всероссийская конференция Р.С.Д.Р.П.», стр. 207, том 24).

«Но есть войны, которые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми, — это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть. . .» (Ленин. «Речь на митинге 23 августа 1918 г.», стр. 58, том 28).

«Насколько преступны и губительны реакционные войны, и в частности империалистические войны. . . настолько же законны и справедливы революционные войны». (Ленин. «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии». Стр. 107, том 33).

«Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне. . .» (Ленин. «Доклад на Седьмом съезде РКП(б)». Стр. 83, том 27).

Таких ленинских изречений можно было бы привести еще очень и очень много. Но к чему? Приведенные цитаты и так убедительно показывают, что эти мысли Ленина далеко не случайны. Они прочно вошли в костяк его доктрины.

А вот вариация на ту же тему. Подобно тем, кого Ленин огульно называет империалистами, он сам берет под идеологическую защиту «наступательные», «превентивные войны». Опять-таки разительное сходство с Гитлером!

«Если бы мы. . . должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками». (Ленин. «Речь на VIII Всероссийском съезде Советов». Стр. 488, том 31).

Взяв под крылышко превентивную войну, Ленин на этом не останавливается. Он рекомендует также, конечно во имя достижения все той же цели — всемирного торжества коммунизма, — вести подрывную деятельность во всех некоммунистических государствах.

«Для всех стран. . . назрел период, когда является безусловно необходимым для всякой коммунистической партии систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организации. . . Особенно необходима нелегальная работа в армии, флоте, полиции. . .» (Ленин. «Тезисы об основных задачах II Конгресса Коминтерна». Стр. 170-171, том 31).

И после этого представители советского правительства постоянно твердили, что в своей внешней политике советское правительство всегда придерживалось и придерживается «принципа невмешательства во внутренние дела других государств»! И какие раздавались крики «благородного воз-

мушения», конечно, «во имя свободы и демократии», если в той или иной стране бывала запрещена деятельность коммунистической партии или ее брали под бдительный при-смотр. . .

Все яснее ясного. У читателя может, однако, возникнуть вопрос: так говорил и писал Ленин-революционер, Ленин-практик и теоретик революции, но так ли продолжал думать Ленин, став хозяином громадного государства, превратившись из подпольщика в главу правительства? Не заставила ли его необходимость вести реальную политику, изменить кое-что в своих взглядах? Не почувствовал ли Ленин ответственность за судьбу и жизнь более чем полутора ста миллионов людей? — Нет! Сев в кресло председателя Совета Народных Комиссаров, Ленин продолжал чувствовать себя прежде всего революционером, и мыслил он не как государственственный деятель, не как патриот, а исключительно как революционер-коммунист. .

Пусть сам Ленин подтвердит это:

«Мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства». (Ленин. «Доклад о внешней политике». Стр. 342, том 27).

Вот поэтому Ленин рассматривает молодую Красную армию не только как защитницу Советской республики, но и как орудие всемирной революции. И второе назначение Красной армии представлялось Ленину ничуть не менее важным, чем первое.

«И я, товарищи, уверен, что если вы сплотите все военные силы в могучую интернациональную Красную армию и двините эти железные батальоны против эксплуататоров, против насильников, против черной сотни всего мира с боевым лозунгом: «смерть или победа» — то против нас не устоит никакая сила империалистов». (Ленин. «Речь на митинге Варшавского Революционного полка», том 28).

Или: «Мы победим, если передовые авангарды трудящихся, Красная армия, будут помнить, что они представляют и защищают интересы всего мирового социализма». (Ленин. «Отчет о митинге, напечатанный в «Правде» 2. VII. 1918 г., вошел в Полное собр. соч., том 27, стр. 461-462).

Но все это только «декларативная» сторона того, как пред-

ставлял себе Ленин роль и задачи Красной армии. А вот вполне конкретное решение Ленина, вызванное его ошибочным представлением о сложившемся международном положении:

«Армия в три миллиона должна у нас быть к весне для помощи международной рабочей революции». (Ленин. Телеграмма Свердлову, вошедшая в полн. собр. соч., стр. 301, том 35).

Проповедь и подготовка военного вторжения Красной армии в Европу вызывалась не только одним революционным темпераментом и революционной идеологией Ленина: Ленин верил в возможность длительной и прочной победы коммунистической доктрины лишь при условии победы мировой революции.

«Съезд видит надлежащую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию... пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран». (Ленин. «Резолюция о войне и мире», стр. 95, том 27).

И, тем не менее, Ленин прекрасно умел делать, когда это было нужно, успокаивающие, примирительные заявления.

«Меня спрашивают нередко, правы ли те американцы, не рабочие только, но и главным образом буржуа, которые, относясь отрицательно к войне с Россией, ждут от нас в случае заключения мира не только возобновления торговых отношений с нами, но и возможности получения известных концессий в России. Я повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением трудящихся масс в России, что эти массы, несомненно, согласились бы на предоставление известных концессий. На разумных основаниях предоставление концессий желательно и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства». (Это «Письмо американским рабочим» напечатано на английском языке 27. XII. 1919 г. в журнале „Soviet Russia“ и вошло в полн. собр. соч., стр. 20-21, том 30, 4-е изд., Москва).

Нельзя удержаться и не сделать двух замечаний. Письмо адресовано американским рабочим, но не нужно быть искусственным дипломатом, чтобы ясно понять: по существу Ленин обращается к капиталистам Америки. Ему нужна «помощь технически более передовых стран» — и Ленин говорит, что торговля и концессии возможны, возможен якобы даже «прочный мир» с капиталистами, тот самый «прочный мир», о невозможности которого Ленин писал столько раз.

И как тут не вспомнить недавнего прошлого: путешествуя по США, Хрущев жестоко и грубо спорил с представителями американских профсоюзов, но очень любезно разговаривал с воротилами Уоллстрита. Тот же Хрущев летом 1959 года на Лейпцигской ярмарке пил за здоровье Круппа.

Еще один пример успокоительных заверений Ленина. Приводим его разговор с корреспондентом американской газеты.

Вопрос: «Готово ли советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?»

Ответ: «Мы готовы его гарантировать». (Ленин. Стр. 32, том 30, полн. собр. соч., 4-е из-е, Москва).

По поводу приведенного вопроса и ответа следует привести одну в высшей степени характерную подробность. Интервью было напечатано в „The Chicago Daily News“ 27.X.1919 в № 257. В советских газетах о нем, однако, не сообщалось и оно не вошло ни в одно из первых трех изданий полного собрания сочинений Ленина. Интервью оставалось неизвестным до 1942 года, когда оно было наконец опубликовано по-русски в период войны. Тогда американская помощь была остро необходима и западных союзников следовало успокоить: — мол, сам Ленин гарантировал невмешательство во внутренние дела иностранных государств. . .

Почему же это заявление Ленина оставалось скрытым от советских граждан? Удовлетворительный ответ только один: уж слишком противоречило оно всей политической доктрине Ленина и практике коммунистических верхов.

Повторим в несколько ином виде вопрос, который мы уже ставили. Может быть, став главой правительства, Ленин был вынужден под давлением практики изменить своим первоначальным революционным теориям? Нет! Заигрывая с не-

навиственным ему «капитализмом», Ленин не скрывал, почему иногда и должно заигрывать. Во-первых, следует поддерживать те буржуазные правительства, которые верят в миролюбие коммунизма, и необходимо препятствовать во всем тем правительствам, которые по отношению к коммунизму настроены непримиримо.

«Нам не безразлично, имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хоть самый плохонький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики». (Ленин, «О дипломатии», стр. 236, том 33).

С первой частью фразы Ленина нельзя не согласиться, — конечно, «не безразлично». Но тогда почему же, поддерживая пацифизм зарубежный, клеймить собственный, отечественный? А ведь именно так поступали и Ленин, и все его наследники.

В приведенной цитате Ленина снова проступает его подлинное отношение к пацифизму (т. е. к безоговорочному осуждению войны). Пацифизм для Ленина «плохонький», «не выдерживающий и тени критики». Но участвовать в международной жизни советскому правительству необходимо. Отсюда лицемерие и обман.

«Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами». (Ленин. «Речь на собрании актива Московской организации РКП(б)», стр. 410-411, том 31).

Вот почему, следуя заветам Ильича, «миротворец» Хрущев так недоволен тем, что вековая франко-германская вражда сменилась, наконец, добрососедскими отношениями!

Однако, если говорить языком военной науки, то две последних цитаты — несмотря на их принципиальную важность, и несмотря на то, что они многое объясняют во внешней политике советского правительства — относятся все же скорее к тактике, а не к стратегии коммунизма. Ленин бы-

вал иногда откровенней. Он давал своим последователям не только указания относительно того или иного конкретного случая, но и общие, при всех обстоятельствах пригодные директивы. Ленин учил — **надо уметь выжидать.**

«Мы имеем перед собой большой опыт революции, и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику **беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют.** Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему отпору». (Ленин. «Доклад о внешней политике», стр. 341, том 27).

Воевать с «буржуазным» (по терминологии Ленина) миром все равно рано или поздно придется. Но враг не должен знать, когда на него нападут. А до наступления решительной схватки следует лавировать...

«Связывать себе наперед руки, говорить откровенно врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, — и никуда не годны те политики революционного класса, которые не сумеют проделать лавирование, соглашательство, компромиссы...». (Ленин. «Детская болезнь левизны в коммунизме». Стр. 58, том 31).

До каких пор носить личину, лавировать, идти на соглашательства и компромиссы? — Ответ Ленина ясен и короток:

«Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы схватим его за шиворот». (Ленин. «Речь на собрании актива Московской организации РКП(б)», стр. 413, том 31).

Пора сделать окончательные выводы.

История человечества полна войн, крови и преступлений. Но когда они случались, их не оправдывали, их стыдились и вину за них старались свалить на другого. По крайней мере так было в течение последних столетий. В новой истории Ленин (первым, до Гитлера) войны, кровь и преступления

оправдал и наделил их положительными качествами во имя «классовой ненависти» и «всемирной социалистической революции». Ненависть и насилие всегда существовали. Благодаря Ленину, ненависть и насилие стали для коммунистических правительств чем-то в роде религии.

Ленин умер. Сталин умер и частично осужден. Правительствует Хрущев. Он много ездит и много говорит. Хрущев, конечно, не теоретик, да за теоретика он себя и не выдает. И вот — в его речах постоянно можно услышать повторение тезисов Ленина:

«Не случайно в последнее время все чаще можно слышать от видных деятелей буржуазных стран откровенные признания, что в войне с применением атомного оружия «не будет победителя». Эти деятели еще не решаются заявить, что капитализм найдет себе могилу в новой мировой войне». (Хрущев. «Доклад на XX съезде КПСС». «Правда» от 15. 11. 56).

С точки зрения торжества коммунизма — если война, то тем лучше! И как не вспомнить уже цитированные слова Ленина: «...результат (всемирной войны)... абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса». (Ленин, стр. 459, том 27).

А вот выдержка из совместного коммюнике Хрущева и Мао Цзе-дуна:

«СССР и КНР решительно поддерживают справедливую борьбу народов Объединенной Арабской Республики, Иракской Республики и других арабских стран, а также национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки» («Правда» от 4. VIII. 58).

Или, говоря прямо, коммунисты будут вмешиваться во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки.

То же самое говорил и Ленин:

«... пролетариат России будет всеми... находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран» (Ленин. Стр. 95, том 27).

Идеологически Хрущев следует за Лениным, практически же, в области международной политики, он Ленина обогнал. Начиная с осени 1956 г. до января 1959 г. советское правительство прямо или косвенно грозило водородными бомбами

и ракетами Италии («Известия» 2. IV. 58), Греции («Известия» 4. XI. 58), Англии («Известия» 6. XI. 58), Ирану («Правда» 1. XI. 58), ФРГ (неоднократно, см. «Известия» 22. VII. 58, 9. VIII. 58), и т. д.), Норвегии («Известия» 27. III. 57), Дании («Известия» 31. III. 57), Голландии («Известия» 5. IV. 57), Франции («Известия» 6. XI. 56), Турции («Известия» 11. X. 57), Японии («Известия», 3. XII. 58 и 6. I. 59), Исландии (ТАСС, 12. IV. 57), Швеции («Известия», 11. II. 59) и так далее — в 1959 году.

Как видим, список не маленький. Но особенно циничны своей откровенностью угрозы в адрес Англии и Турции. Мы их процитируем:

«В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не посылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например, ракетную технику... Мы полны решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». («Известия», 6. XI. 56).

Как известно, Англия во время суэцкого конфликта атомного оружия не применяла и не грозила его применением. Советское правительство заверило, что оно готово его применить первым. Комментарии излишни. Думало ли при этом советское правительство о собственных городах и о собственных гражданах?

«Турция стягивает свои силы к сирийской границе... Если там начнут стрелять пушки, то остановиться будет уже трудно. От автоматов и пушек дело может дойти до ракет...» («Известия», 11. X. 57). Так говорил Хрущев американскому журналисту Рестону.

Как известно, ни у Турции, ни у Сирии термоядерных ракет не было и нет. Кто же тогда угрожал миру введением в действие термоядерных ракет?

Совершенно очевидно, что при таких дипломатических методах существование международной напряженности неизбежно, а угроза новой мировой войны — велика.

Для полноты и точности картины следует напомнить, что Хрущев не только угрожает. Он чередует угрозы и миролю-

бивые заверения. В течение истекшего года угроз было меньше, миролюбивых заверений больше. В настоящее время Хрущев особенно настаивает на необходимости «мирного сосуществования двух систем».

Хрущев говорит, что он — за мирное сосуществование. Но чтобы «мирное сосуществование» было не словом, а делом — необходимо его желать и проводить искренне. Хрущев и лидеры коммунизма называют себя последователями Ленина. Так вот процитируем еще раз Ленина. Что думал и писал Ленин о сосуществовании?

«... мы сейчас перешли от войны к миру, но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, **они мирно жить не могут**: либо тот, либо другой в конце концов победит. Либо по Советской республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму». (Ленин. Стр. 427, том 31).

Так вот. Либо Хрущев следует за Лениным и разделяет его учение о войне и мире, — и тогда все путешествия, все совещания, все разговоры о сосуществовании, о разоружении, о мире — фальшивая, бесплодная и ненужная, а потому и вредная комедия. Либо Хрущев придерживается по всем этим вопросам собственного, не ленинского мнения, тогда он должен об этом открыто заявить и подтвердить делами, — тогда только надежда на мирное сосуществование может стать обоснованной.

Увы! Хрущев следует по ленинскому пути. Отсюда и увеличение международной напряженности, и тотальная агрессивность «социалистического лагеря». Не видеть этого нельзя. Свободный мир обязан сделать соответствующие выводы — в силе, единстве, твердости и решимости.

ZOPE, München 19, Renatastraße 77, Telefon 6 90 25
ZOPE, Berlin W 30, Martin-Luther-Straße 88, Tel. 24 77 80

Druck: Georg Butow, München 5, Kohlstraße 3 b, Tel. 29 51 36